

Л. П. Лашук

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ТРАКТОВКИ ПЕРВИЧНОЙ ФОРМАЦИИ

На современном этапе развития советской обществоведческой науки, накопившей огромный эмпирический материал по социально-экономической истории различных народов, актуальное значение приобретает не только суммарное обобщение, но и глубокое методологическое истолкование накопленных исторических знаний. Разумеется, такая задача требует дальнейшей отработки научно-исследовательского понятийного аппарата, а это, в свою очередь, ставит вопрос о том, как наиболее эффективно пользоваться категориями исторического материализма.

В последнее время проблемам формирования и развития материалистического понимания истории уделяется большое внимание, причем в процессе разработки этих проблем был заметно обогащен арсенал исследовательских средств¹. Наибольший успех наблюдается там, где творческое наследие Маркса и Энгельса изучается не путем простого сопоставления и суммирования отдельных их высказываний в различных произведениях, а с помощью разностороннего анализа системы взглядов основоположников марксизма на развитие исторического процесса. К сожалению, этот принцип исследования соблюдается далеко не всегда. Например, отступления от этого принципа имели место при анализе некоторыми авторами ряда ключевых вопросов концепции «первичной» первобытнообщинной, доклассовой формации. И это тем более досадно, что авторы в целом справедливо выступают против вульгарного экономического материализма и против того, чтобы рассматривать те или иные категории исторического материализма всегда в одном и том же неизменном соотношении, в буквальном приложении к любой формации.

Как известно, к началу 80-х годов у К. Маркса созрела новая идея относительно обобщенной периодизации всемирно-исторического процесса, заключавшаяся в подразделении этого процесса на два последовательных этапа: «первичную» доклассовую и «вторичную» классовую общественные формации. Тем самым, подчеркивалось принципиальное отличие архаического общества с его коллективистическими устоями в сфере производства, распределения и потребления средств и продуктов производства от общества вторичной формации, построенного на индивидуальном имущественном интересе, на частной собственности, как сопряженной с личным трудом, так и эксплуататорской. Эти мысли были изложены К. Марксом в черновых набросках письма к Вере Засулич, в окончательном тексте которого рассматриваются конкретные вопросы о капиталистической экспроприации мелких частных земельных собственников на Западе и о судьбах русской поземельной общины². В набросках этого письма Маркс стремился определить место русской общины в исторической цепи известных тогда науке общинных форм, различающихся структурой свойственных им социальных связей и форм собственности³.

¹ См., например: «Маркс — историк». Сборник статей. М., 1968.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 35, стр. 137.

³ Там же, т. 19, стр. 417—419.

А это — в полном соответствии с разработанной ранее теорией о «прогрессивных эпохах экономической общественной формации»⁴ — привело к необходимости вместить упомянутые общинные формы в определенные социально-экономические рамки различных исторических эпох.

По Марксу, «архаическая или первичная формация земного шара состоит из целого ряда напластований различных периодов, из которых одни лежали на других. Точно так же архаическая общественная формация открывает нам ряд различных этапов, отмечающих собой последовательно сменяющие друг друга эпохи»⁵. Это, в частности, означает, что научное исследование, идя ретроспективным путем от остатков средневековой крестьянской общины, в состоянии «восстановить строение ее архаического прототипа» вплоть до наиболее древних форм, которые «покоятся на кровном родстве своих членов»⁶. В центре внимания Маркса «земледельческая община», которая сменила родовую общину и была «первым социальным объединением людей свободных, не связанных кровными узами». Как отмечал К. Маркс, эта община, будучи «последней фазой первичной общественной формации, является в то же время переходной фазой ко вторичной формации, т. е. переходом от общества, основанного на общей собственности, к обществу, основанному на частной собственности. Вторичная формация охватывает, разумеется, ряд обществ, основывающихся на рабстве и крепостничестве»⁷. Тем самым, судьбы общины теснейшим образом увязаны Марксом с той исторической средой, в которой община находится на любом этапе своего существования.

Где и когда бы Маркс ни писал о земледельческой общине архаического типа, он всегда подчеркивал «ее изолированность, отсутствие связи между жизнью одной общины и жизнью других, этот локализованный микрокосм, который не повсюду встречается как имманентная характерная черта этого типа, но который повсюду, где он встречается, воздвиг над общинами более или менее централизованный деспотизм»⁸. Еще в 1857—1858 гг. в рукописи «Критика политической экономии» Маркс рассматривал этот государственно-организованный деспотизм — в зачаточной «варварской» и в исторически более высокой раннеклассовой («восточной») форме — в качестве «связующего единства», государственной «более высокой общины», господствующей над мелкими земледельческими общинами. При этом он отмечал, что «часть прибавочного труда общины принадлежит более высокой общине, существующей, в конечном счете, в виде одного лица, и этот прибавочный труд дает себя знать как в виде дани и т. п., так и в совместных работах для прославления единого начала — отчасти действительного деспота, отчасти воображаемого племенного существа, бога»⁹.

Самому Марксу не довелось дать более развернутую характеристику архаической формации. Не дал он также детальной характеристики периода перехода от первичной формации ко вторичной.

Как известно, эту проблему осветил Ф. Энгельс в знаменитой книге «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Однако и после выхода в свет последнего издания этого труда осталось еще много вопросов, требующих дальнейшего разъяснения на основе непрерывно поступающих новых материалов о «традиционных» обществах в различных районах ойкумены. В настоящее время указанная проблема изучается целой группой советских историков, которые, однако, по-разному подходят к структуре общественных отношений первичной формации: одни из них считают, что эволюция первичной формации была связана,

⁴ Там же, т. 13, стр. 7.

⁵ Там же, т. 19, стр. 413.

⁶ Там же, стр. 403.

⁷ Там же, стр. 418—419.

⁸ Там же, стр. 405.

⁹ Там же, т. 46, ч. I, стр. 464.

в первую очередь, с развитием экономики (хотя тип экономики в этой формации был существенно иным по сравнению со вторичной формацией); другие же отрицают ведущую роль экономического фактора и полагают, что в развитии первичной формации решающую роль играл рост народонаселения, который определил и разделение труда, и рост производительных сил.

Вторая концепция за последнее время собрала немало сторонников; тем не менее, на наш взгляд, с нею согласиться нельзя, ибо она опирается не на какие-либо новые факты или более глубокое проникновение в идеи основоположников марксизма, а скорее на очень спорные логические умозаключения, на неполное или неточное прочтение некоторых мест из сочинений Маркса и Энгельса. Это мы и постараемся показать ниже.

Обратим прежде всего внимание на интересные по замыслу статьи М. А. Виткина, рассматривающего общества первичной и вторичной формаций сквозь призму специфических форм социальной связи индивидов — личностной и вещной. Это отнюдь не праздный вопрос, и не случайно на него, приступая к разработке своей экономической теории, обратил внимание К. Маркс. Он исходил при этом из того очевидного факта, что люди «всегда и при всех обстоятельствах» находились во взаимном общении, ибо «их потребности, т. е. их природа и способ их удовлетворения, связывали их друг с другом (отношения между полами, обмен, разделение труда)... Но так как они вступали в общение между собой не как чистые Я, а как индивиды, находящиеся на определенной ступени развития своих производительных сил и потребностей, и так как это общение, в свою очередь, определяло производство и потребности, то именно личное, индивидуальное отношение индивидов друг к другу, их взаимное отношение в качестве индивидов создало — и повседневно воссоздает — существующие отношения»¹⁰.

Далее Маркс подчеркивает, что эти взаимные отношения людей историчны, что «превращение индивидуального отношения в его противоположность — в чисто вещное отношение... представляет собой исторический процесс и принимает на различных ступенях развития различные, все более резкие и универсальные формы»¹¹. Капиталистическая эпоха дает крайние формы господства «вещных отношений над индивидами», но какой характер носили отношения людей в докапиталистических обществах, когда, по Марксу, люди также «вступали в общение друг с другом в качестве того, чем они были»? На этот вопрос М. А. Виткин отвечает так: «Эпохой абсолютного господства личностных отношений и является первичная формация» (в рамках последней он рассматривает и раннеклассовые общества «азиатского способа производства») ¹².

Тут сразу же возникает вопрос: что собой представляют личностные отношения в древнейших обществах? Были ли это отношения натурального обмена трудовой деятельностью и способностью обмена, который, по Марксу, совершается в самом общественном производстве, или это были исключительно внепроизводственные, неэкономические социальные связи? По М. А. Виткину следует, что в древневосточном обществе «общинной государственности» (при наличии деспотического «связующего единства») «связь между общинами не может покоиться ни на родственной, ни на экономической основе. Единственное, что может послужить базой создания связей самодовлеющих общин, — это их пространственное соположение, одинаковая географическая локализация, территориальное соседство»¹³. Если это так, то что же тогда вызвало к жизни политическое «связующее единство» — деспотию, на какой общественной почве она

¹⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 439—440.

¹¹ Там же, стр. 440.

¹² М. А. Виткин. Первичная общественная формация в трудах К. Маркса, «Вопросы философии», 1967, № 5, стр. 43.

¹³ Там же, стр. 48.

«столь долго держалась? (ведь указанные признаки сами по себе не создают межгрупповой связи).

Как указывал Ф. Энгельс, члены древневосточной общины «объединены для производства непосредственно общественной связью, труд распределяется согласно обычаю и потребностям, и таким же образом распределяются продукты, поскольку они идут на потребление»¹⁴. Ограниченность этого способа производства, который нельзя было просто изменить, но над которым можно было «надстроить» регулирующий необходимые общественные работы специальный орган, при стихийно расширяющейся системе орошения объективно подтолкнула обществу к созданию государственности, выступавшей как «совокупный предприниматель в деле орошения речных долин, без чего там невозможно было какое бы то ни было земледелие»¹⁵. Но разве такого рода отношения не входят в категорию общественных отношений по производству? Касаясь этой проблемы и, в частности, отношений между восточной деспотией и широким слоем производителей, соединенных в сельские общины, К. Маркс констатировал: «Та специфическая экономическая форма, в которой неоплаченный прибавочный труд выкачивается из непосредственных производителей, определяет отношение господства и порабощения (точнее следовало бы перевести „подчинения“ — *die Knechtung* немецкого подлинника — Л. Л.), каким оно вырастает непосредственно из самого производства, и, в свою очередь, оказывает на последнее определяющее обратное воздействие. А на этом основана вся структура экономического строя (*Gemeinwesen*), вырастающего из самых отношений производства, и вместе с тем его специфическая политическая структура»¹⁶.

В одной из своих работ М. А. Виткин правильно замечает, что для характеристики основ структуры архаического общества совершенно недостаточно дать описание его производства, ибо необходимо еще установить, благодаря какой форме общественной связи эта структура может функционировать как социальное целое. Такая связь может быть общинно-родовой, общинно-соседской, более широкой «земляческой» или налаженной через систему предметного (вещного) обмена. Однако остается непонятным, почему такого рода связь, пускай даже не вещная, а личностная по форме, «не порождена — в отличие от обмена — движением производства?» Не совсем понятна и предлагаемая М. А. Виткиным следующая формулировка: «для выявления особой социальной природы каждого добуржуазного общества нужно рассматривать его в единстве двух основных начал — господствующей, общественно-созидательной формы материального общения (которая всегда есть личностная форма) и общения, осуществляемого в процессе производства материальных благ»¹⁷. Разве первое из этих «начал» не является составной частью самого производства?

Ясный ответ на эти вопросы мы находим в сочинениях К. Маркса. Так, Маркс отмечает, что распределение членов общества по различным хозяйственным занятиям и сферам есть «подчинение индивидуумов определенным производственным отношениям», даже если эти отношения выражаются в форме непосредственно личностной связи, в форме прямого обмена «деятельностей и способностей». Он далее говорит, что такой обмен «есть акт, входящий в производство», ибо «не существует обмена без разделения труда, будь последнее первобытным или уже результатом исторического развития»¹⁸. Обмен продуктами труда, который имеет в виду М. А. Виткин, выступает лишь в качестве более развитой и совершенной формы общественно-производственного обмена, без которого

¹⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, стр. 320.

¹⁵ Там же, стр. 184.

¹⁶ Там же, т. 25, ч. II, стр. 354.

¹⁷ М. А. Виткин, Проблема перехода от первичной формации ко вторичной. Сб. «Проблемы истории докапиталистических обществ», М., 1968, стр. 429.

¹⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 12, стр. 722, 725.

жизнь общества просто невозможна. На вопрос упомянутого автора, почему личные отношения определяют социальную структуру общества, в котором товарное производство не превратилось в господствующее, опять-таки отвечает Маркс: «...в античную эпоху и в средние века рабство или крепостничество образуют широкую основу общественного производства: господство условий производства над производителями замаскировывается здесь отношениями господства и порабощения, которые выступают и видимы как непосредственные движущие пружины производственного процесса»¹⁹.

Итак, можно сделать следующий вывод. Если историк будет последовательно придерживаться взглядов Маркса на материальные основания развития общественной системы, он, опираясь на них, сможет глубоко проникнуть в реальную структуру (т. е. совокупность социальных, прежде всего экономических отношений) обществ отдаленного прошлого; если же историк будет делать акцент на каких-то особых, не имеющих экономического основания, социальных связях, то он неизбежно станет на платформу зыбкой концепции «первичных стадий» в истории человечества с господством «чисто личностных» общественных отношений. Ведь это же факт, что кое-кто из наших исследователей «отказывает» в экономическом содержании огромному периоду в истории первобытности — стадии так называемого «присваивающего хозяйства», господствовавшего вплоть до возникновения и утверждения 8—10 тысяч лет тому назад земледелия и скотоводства²⁰.

Существуют различные попытки осмыслить эту проблему в философско-историческом плане. Укажем, например, на статью Н. Б. Тер-Акопяна, посвященную анализу развития взглядов основоположников марксизма на первобытнообщинную формацию. На наш взгляд, в этой статье наряду с совершенно верными положениями имеются и установки, вызывающие принципиальное возражение. Это прежде всего тезис о том, что первичные стадии (до средней ступени варварства включительно) «нельзя характеризовать как общественно-экономическую формацию. Их можно характеризовать только как общественную формацию, в которой господствовали коммунистические отношения родового строя»²¹. Кстати, в качестве справки, отметим, что с 1859 г. в подлинниках трудов Маркса имеется только одно определение формации: *ökonomische Gesellschaftsformation* — «экономическая общественная формация».

Объективную доказательность своего тезиса Н. Б. Тер-Акопян видит в том, что «люди, занимавшиеся лишь охотой, рыболовством и собирательством, воспроизводили самих себя, но не средства к жизни. Производство периода дикости стоит еще вне экономических, а тем самым и исторических (?) критериев»²². Так как Н. Б. Тер-Акопян ищет (и, по его словам, находит) подтверждение своему взгляду в сочинениях основоположников марксизма, то и мы обратимся к тем же источникам. Как известно, К. Маркс писал, что «первоначально (т. е. в каком-то исходном моменте.—Л. Л.) производство индивида ограничивается воспроизводством его собственного тела путем присвоения им готовых предметов, подготовленных самой природой для потребления». Но и при чисто добывающей материальной деятельности «там, где надо всего-навсего лишь *находить, открывать*, это очень быстро начинает требовать напряжения

¹⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 25, ч. II, стр. 399.

²⁰ А как же тогда быть со многими обществами, которые не достигли порога земледельческого или скотоводческого хозяйства; разве им, охотникам и рыболовам, вообще чужды производственные отношения?

²¹ Н. Б. Тер-Акопян, К. Маркс и Ф. Энгельс о характере первичной общественной формации, Сб. «Проблемы истории докапиталистических обществ», стр. 86.

²² Н. Б. Тер-Акопян, Указ. раб., стр. 77. Разве автору не известна развернутая Энгельсом трактовка положения о том, что «вместе с человеком мы вступаем в область истории»? (см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, стр. 358).

сил, труда (как при охоте, рыболовстве, пастушестве) и производства (т. е. развития) у субъекта известных способностей»²³.

Так формируются производительные силы первобытного общества, которые составляют: 1) орудия и средства производства; 2) сами люди с их способностью трудиться, их физическими и умственными данными, их знанием и опытом, которые позволяют им добывать и производить средства существования (не только пищу, но и жилище, одежду, средства передвижения, бытовые предметы). Трудящиеся люди воспроизводят не только самих себя, как биологический вид; Маркс указывал, что всегда «целью общества, целью индивида — так же как и условием производства — было воспроизводство этих определенных условий производства и воспроизводство индивидов... в качестве живых носителей этих условий»²⁴. Кажется, здесь все сказано очень ясно.

Рассмотрев вопрос о взглядах Маркса и Энгельса на определяющие первичные общественные отношения, Н. Б. Тер-Акопян, в частности, пишет: «Они выдвинули положение о производстве людей как одном из основных отношений в истории и отметили решающую роль (разрядка наша. — Л. Л.) этого вида производства на первичных стадиях исторического процесса»²⁵. Однако подобной формулировки мы не найдем ни в ранних, ни в поздних произведениях основоположников марксизма.

В связи с этим хотелось бы обратить внимание на известное выражение Энгельса: «согласно материалистическому пониманию истории в историческом процессе определяющим моментом в конечном счете является производство и воспроизводство действительной жизни. Ни я, ни Маркс большего никогда не утверждали»²⁶. И хотя для марксизма в указанном процессе экономический момент не является единственно определяющим, значение его очень велико. Напомним в связи с этим данное в «Немецкой идеологии» классическое определение акта производства средств существования: «...это такое историческое дело, такое основное условие всякой истории, которое (ныне так же, как и тысячи лет тому назад) должно выполняться ежедневно и ежечасно — уже для одного того, чтобы люди могли жить»²⁷.

Иное дело, если мы хотим подчеркнуть, что в системе производительных сил, в особенности таких, которые опираются на слабую техническую оснащенность, первенствующую роль играют трудящиеся люди со всеми их указанными выше качествами. Производство (рождение и первичное воспитание) людей и воспроизводство их в качестве рабочей силы, в роли носителей определенных производственных отношений и членов общественной ассоциации есть лишь одна из сторон производства и воспроизводства непосредственной жизни. Другая сторона производства — это обеспечение самовоспроизводящегося социального организма средствами существования. Обе стороны одинаково важны, и отдать преимущество любой из этих сторон — совершенно неправомерно, даже в обществе, стоящем на низком уровне материально-производственных возможностей.

Н. Б. Тер-Акопян трактует данную проблему следующим образом: 1) «В основе развития человеческого общества лежит, разумеется, производство жизненных средств. Но оно неразрывно связано с производством новых потребностей и новых поколений людей»; 2) «Последнее могло являться и определяющей стороной развития»²⁸. Никто из марксистов

²³ К. Маркс, *Формы, предшествующие капиталистическому производству*, «Вестник древней истории», 1940, № 1, стр. 22.

²⁴ Из рукописи К. Маркса «Критика политической экономии», «Вопросы философии», 1967, № 6, стр. 96.

²⁵ Н. Б. Тер-Акопян, *Указ. раб.*, стр. 72.

²⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс, *Соч.*, т. 37, стр. 394.

²⁷ Там же, т. 3, стр. 26.

²⁸ Н. Б. Тер-Акопян, *Указ. раб.*, стр. 70.

не станет спорить с первым тезисом, ибо он полностью соответствует данному в «Немецкой идеологии» четкому определению «трех сторон социальной деятельности», которые «совместно существовали с самого начала истории, со времени первых людей». В этой же работе отмечается «материалистическая связь людей между собой, связь, которая обусловлена потребностями и способом производства и так же стара, как сами люди»²⁹. Эта связь не носит характера отвлеченно-«антропологического» отношения (т. е. отношения человека как такового к другому человеку как таковому); она совершенно конкретна: «...люди вступают в определенные связи и отношения, и только в рамках этих общественных связей и отношений существует их отношение к природе, имеет место производство»³⁰. Это как раз те самые экономические отношения, которые столь настойчиво отрицает Н. Б. Тер-Акопян на ранних стадиях первичной формации.

Странная логика рассуждений вытекает из второй посылки, утверждающей, что производство людей «могло являться и определяющей стороной развития» архаического человеческого общества. В этой связи предлагается такой ход мысли: так как первобытные люди озабочены преимущественно самовоспроизводством, то главная форма общения между ними — отношения естественного (генеалогического) родства. Эта форма приобретает спонтанный характер социального самодвижения: «взаимосвязь семьи и системы родства подобна взаимосвязи производительных сил и производственных отношений»³¹. Такое сопоставление неприемлемо не только с точки зрения формально-терминологического выражения, но и по существу: если производительные силы и производственные отношения слиты воедино как непосредственные элементы материального производства, то древнейшая система родства (традиционно субординированный порядок взаимоотношений возрастных, половых и брачных групп) сложно опосредствована всем укладом человеческой жизни, в том числе производственными отношениями и общественным сознанием.

Далее, в статье упомянутого автора читаем: «Семья, как активное начало, как коллектив, производящий людей (и не в одном только биологическом смысле), в ходе своего собственного развития (Энгельс объяснял его действием отбора) постоянно порождает и изменяет родовые отношения. Что касается развития производства жизненных средств, то оно, зарождаясь на основе инстинктивных форм труда, порождает свои отношения — отношения производственные»³². Не вступая в спор по поводу термина «семья» (будем надеяться, что, вслед за Энгельсом, автор имеет здесь в виду «групповой брак, форму брака, при которой целые группы мужчин и целые группы женщин взаимно принадлежат друг другу») ³³, мы все же не можем не заметить, что в приведенной цитате архаическая «семья» приобретает полную «независимость» от условий и отношений производства средств существования. Правда, по мнению Н. Б. Тер-Акопяна, зародившиеся на основе трудовой деятельности производственные отношения с какой-то стадии постепенно как бы наслаиваются на отношения родства, затем отпочковываются и начинают оказывать на них все большее влияние, становятся доминирующими³⁴. Однако и эта часть его формулы в общем контексте подчеркивает некий параллелизм и самостоятельность двух типов первобытнообщинных отношений, обусловленных, с одной стороны, естественной общностью по происхождению, с другой — исторической общностью по совместному производству.

²⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 28, 29.

³⁰ Там же, т. 6, стр. 441.

³¹ Н. Б. Тер-Акопян, Указ. раб., стр. 84.

³² Там же, стр. 88.

³³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 40.

³⁴ Н. Б. Тер-Акопян, Указ. раб., стр. 88.

Отметим в этой связи, как критиковали авторы «Немецкой идеологии» младогегельянца Штирнера — «святого Макса», который не обращал внимания на социальную жизнь индивида: «древность тем естественнее „достигает“ у святого Макса своего „конечного назначения“, что, по его мнению, древние были „поставлены природой“ в условия античной „общности“ (*Gemeinwesen*) и это, „скажем в заключение“, „уясняется, пожалуй“, особенно легко в том случае, когда общественный строй, семью и т. д. именуют „так называемыми естественными узами“»³⁵. В противовес этому, Маркс и Энгельс, имея в виду «древнее время», выдвигали на передний план независимые от воли людей материальные условия, «в которых они производили свою жизнь, связанные с этими условиями необходимые формы общения (*Verkehrsform* подлинника — термин, в котором нашло выражение складывающееся в это время у Маркса и Энгельса понятие производственных отношений. — Л. Л.) и обусловленные всем этим личные и социальные отношения»³⁶.

Нет спора, что производство человека как биологического вида исторически старше его материально-производственной деятельности с помощью все более усложняющихся орудий труда в рамках уже «готовой» общественной организации. И когда эта организация оформляется в качестве прочного дуально-экзогамного и трудового коллектива, она как бы опосредствует оба вида производства — продолжение рода и приобретение средств к жизни. Было бы нелепо отрицать ту крупную роль, какую «родство играет в общественном строе у всех диких и варварских народов, нельзя одними фразами сбросить со счетов значение этой так широко распространенной системы»³⁷. Об этом достаточно хорошо сказано в «Происхождении семьи, частной собственности и государства». Но анализируя отношения родства, Энгельс искал также их экономические, производственные основания: «первобытное коммунистическое общее домашнее хозяйство, которое без всяких исключений господствует вплоть до самого расцвета средней ступени варварства, определяло максимальные размеры семейной общины, изменявшиеся в зависимости от условий, но для каждой данной местности более или менее определенные»³⁸.

Своеобразие архаической социальной структуры состоит в том, что первобытная община объединяет людей, одновременно связанных друг с другом как отношениями по родству и свойству, так и отношениями по производству. Те и другие отношения объективно направлены к единой цели — сохранению и воспроизводству данной органической целостности, спонтанно создающей условия и средства собственной предметно-созидательной (производящей и добывающей) деятельности, характер и содержание которой обусловлены исторически достигнутым уровнем производительных сил³⁹. При этом «чем меньше развит труд, чем более ограничено количество его продуктов, а следовательно, и богатство общества, тем сильнее проявляется зависимость общественного строя от родовых связей»⁴⁰ в том смысле, что коллективизм первобытной общины восполнял неразвитость индивидуального труда и гарантировал некоторый прожиточный минимум. В этих условиях не могли иметь места ни сколько-нибудь значительное накопление материальных благ, ни сколько-нибудь развитый обмен продуктов, то есть условия, ведущие к обособлению индивидуальных производителей и собственников.

³⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 129.

³⁶ Там же, т. 3, стр. 171, см. также примеч. ред. на стр. 590—591.

³⁷ Там же, т. 21, стр. 35.

³⁸ Там же, стр. 43.

³⁹ По Марксу, «в первобытных общинах, в которых господствует первобытный коммунизм, ...сама община с ее условиями выступает как базис производства, а воспроизводство общины — как конечная цель производства» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 25, ч. II, стр. 399).

⁴⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 26.

Данное положение, вытекающее из всего учения марксизма о первобытнообщинном строе, нисколько не колеблется некоторым уточнением в переводе вышеприведенной мысли Энгельса, в результате которого концовка фразы звучит так: «...тем в большей степени обнаруживается в общественном строе господство отношений по родству»⁴¹. Первобытный строй знает в качестве основной социальной формы небольшую общину, все члены которой объединены для производства непосредственной общественной связью по кровному и благоприобретенному родству. Совсем в иную плоскость перемещается вопрос, если общественным отношениям по родству придавать какую-то исключительную структурно и функционально «чистую форму», вытекающую только из естественного акта деторождения и регулирования взаимоотношений поло-возрастных групп.

Было бы неверно думать, что только сегодня появились различные, нередко друг друга исключаящие толкования тезиса Энгельса о том, что «производство и воспроизводство непосредственной жизни... бывает двоякого рода. С одной стороны, производство средств к жизни: предметов питания, одежды, жилища и необходимых для этого орудий; с другой — производство самого человека, продолжение рода. Общественные порядки, при которых живут люди определенной исторической эпохи и определенной страны, обуславливаются обоими видами производства: ступенью развития, с одной стороны — труда; с другой — семьи»⁴². Здесь имеются в виду не только споры в среде марксистов, но и откровенные фальсификации буржуазных противников марксизма.

Так, в конце XIX в. народник Н. Михайловский поставил перед собой задачу умалить значение труда Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Прежде всего он заявил, что вовсе не марксизм обосновал важнейшие закономерности исторического развития древнего общества, а Л. Г. Морган: «Ключ к этим загадкам дан был, во-первых, человеком, совершенно посторонним теории экономического материализма, ничего об нем не знавшим, а во-вторых — при помощи фактора не экономического. Нескольким забавное впечатление производит термин «производство самого человека», т. е. детопроизводство, за который Энгельс хватается для сохранения хотя бы словесной связи с основной формулой экономического материализма. Он вынужден, однако, признать, что жизнь человека многие века складывалась не по этой формуле»⁴³. Путем несложного приема Н. Михайловский пытался опровергнуть «теорию о том, что основы для понимания истории коренятся в материальных общественных отношениях». При этом Н. Михайловский сделал вид, что не заметил концовки «Предисловия» Энгельса к первому изданию «Происхождения семьи, частной собственности и государства» где автор указал: «Экономические обоснования, которые были достаточны для целей, поставленных Морганом, но для моих целей совершенно недостаточны, все заново переработаны мной. Наконец, само собой разумеется, я отвечаю за все те выводы, которые сделаны без прямых ссылок на Моргана»⁴⁴. Чтение первого раздела этого труда ясно показывает, насколько далеко ушел вперед Энгельс по сравнению с некоторыми стихийно-материалистическими догадками Моргана.

Прибегнув к довольно произвольному переложению хорошо известного нам текста, Михайловский пришел к выводу, что Маркс и Энгельс под влиянием Моргана якобы внесли такую поправку «к формуле материалистического понимания истории, что определяющим моментом

⁴¹ В. М. Бахтa, Папуасы Новой Гвинеи: производство и общество, Сб. «Проблемы истории докапиталистических обществ», стр. 268.

⁴² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 25, 26.

⁴³ Н. Михайловский, Литература и жизнь, «Русское богатство», 1894, № 1, отд. II, стр. 108.

⁴⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 27.

наряду с производством материальных ценностей является производство самого человека, т. е. детопроизводство, играющее первенствующую роль в первобытную эпоху, когда труд по своей производительности был слишком еще не развит»⁴⁵.

В этой связи подчеркнем еще раз, что Маркс и Энгельс нигде и никогда не говорили, что детопроизводство играло первенствующую роль в первобытную эпоху. Рассматривая дискутируемый вопрос о роли первобытной «семьи», Г. В. Плеханов определял позицию Энгельса следующим образом: «Когда он говорит это, изменяет ли он хоть немного свой „первоначальный“ взгляд на значение производительных сил в истории человечества? Принимает ли он рядом с действием этого фактора действие какого-то другого „равносильного“ ему? Кажется, ничего не изменяет, кажется, ничего такого не принимает»⁴⁶.

Воображая себя «первооткрывателем», Н. Михайловский поучал теоретических наследников Энгельса: «Как бы мы ни ухищрялись над детопроизводством, стараясь установить хотя словесную связь между ним и экономическим материализмом, как бы оно ни перекрещивалось в сложной сети явлений общественной жизни с другими явлениями, в том числе и экономическими, оно имеет свои собственные, физиологические и психологические корни»⁴⁷. Отметим, что никто так хорошо не ответил на эту банальную тираду, как В. И. Ленин: «Для грудных детей, что ли, рассказываете это Вы, г. Михайловский, что детопроизводство имеет физиологические корни! Ну, что Вы зубы-то заговариваете?»⁴⁸ Именно В. И. Ленин дал суровую отповедь народническим извращениям марксизма в данном вопросе и показал историческую эволюцию первобытно-общинного способа производства, специально отметив то обстоятельство, что «и частная собственность, и наследство — категории таких общественных порядков, когда сложились уже обособленные, мелкие семьи (многочисленные) и стал развиваться обмен»⁴⁹.

В наши дни по мере углубления спора о соотношении в первобытном обществе производственных отношений и кровнородственных связей стали широко привлекаться поздние письма Энгельса к разным лицам. Так, было обращено внимание на его переписку с К. Каутским, возникшую вокруг серии статей последнего по вопросу о первобытных брачно-половых связях. В своих критических замечаниях по этому вопросу Энгельс энергично отстаивал собственную точку зрения, что «общность женщин (и мужчин для женщин) была исходным пунктом отношений внутри племени»⁵⁰. Далее он отмечал, что «степень сохранения старых кровных связей племени» может служить показателем архаического состояния общества. «Все дальнейшее развитие, — указывал он, — заключается в постепенном отмирании этой первобытной общности» — «будь то общность земли или жен, или чего бы то ни было»⁵¹. Здесь Энгельс затрагивал и вопрос о первобытной экономической общности, которая отнюдь не развивается из «первоначального частного владения», а предшествует ему⁵². В приведенных отрывках нигде не говорится о приори-

⁴⁵ Н. Михайловский, Указ. раб., стр. 108. В работе «Экономическое содержание народничества и критика его в книге Г. Струве» В. И. Ленин специально останавливается на трактовке Марксом процесса размножения человека и при этом подчеркивает то, что условия размножения человека непосредственно зависят от устройства различных социальных организмов, «определяемых системой общественного производства, а следовательно, и распределения» (В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 1, стр. 476).

⁴⁶ Г. В. Плеханов, К вопросу о развитии монистического взгляда на историю, «Избранные философские произведения», т. 1, М., 1956, стр. 619.

⁴⁷ Н. Михайловский, Указ. раб., стр. 108.

⁴⁸ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 1, стр. 150.

⁴⁹ Там же, стр. 152.

⁵⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 35, стр. 362.

⁵¹ Там же, стр. 362, 363, 376.

⁵² Там же, стр. 376.

тете отношений по производству человека перед отношениями по производству материальных благ.

В ходе полемики по данному вопросу наибольшее внимание было обращено на письмо Энгельса от 8 декабря 1882 г., в котором изложены мысли, возникшие в связи с прочтением книги Х. Х. Банкрофта «Туземные племена тихоокеанских штатов Северной Америки» (1875). Однако из всего текста письма почему-то вычленяется (или выделяется многозначительной разрядкой) краткая фраза о том, что «на данной ступени способ производства играет не столь решающую роль, как степень распада старых кровных связей». Эта операция производится в целях обоснования мнения о возможности существования в истории такого периода, когда неэкономическая сторона производства (т. е. производство человека) могла господствовать над первой, экономической его стороной.

Прочитируем интересующий нас отрывок из письма Энгельса целиком: «Чтобы, наконец, полностью уяснить себе параллель между германцами Тацита и американскими краснокожими, я сделал небольшие выдержки из первого тома твоего Банкрофта. Сходство, действительно, тем более поразительно, что способ производства так различен — здесь рыболовство и охота без скотоводства и земледелия, там кочевое скотоводство, переходящее в земледелие. Это как раз доказывает, что на данной ступени способ производства играет не столь решающую роль, как степень распада старых кровных связей и старой взаимной общности полов (sexus) у племени. Иначе глинянки в бывшей русской Америке не могли бы быть чистой копией германцев, и, пожалуй, в еще большей мере, чем твои прокезы»⁵³.

В нашей литературе уже отмечалось, что подчеркивание Энгельсом в этом письме роли родовых институтов вовсе не снимает их вторичности в сопоставлении с производственными отношениями, а означает лишь то, что взаимодействие экономики с надстроечными факторами в первобытном обществе опосредствуется кровнородственными отношениями и что последние именно в этом смысле оказывают решающее влияние на характер общественного строя⁵⁴. В целом же этот отрывок нуждается в некотором научном комментарии.

Прежде всего, в своем письме Энгельс совсем не случайно проводит сравнительно-историческую параллель между германскими племенами начала н. э. и индейцами северо-западного побережья Северной Америки конца XVIII—начала XIX в. Как известно, в 1881—1882 гг. он работал над рукописью «К истории древних германцев», основным источником для которой послужили письменные свидетельства Цезаря и Тацита. Для разъяснения многих моментов в этих свидетельствах потребовались параллели из обществ, переживавших последнюю стадию родового строя. Энгельсу уже были известны материалы по прокезам, но они стадially не соответствовали показаниям римских авторов о древних германцах. Находкой явилась сводная работа Банкрофта, которая, несмотря на все ее недостатки, ярко рисовала различные индейские общества, находившиеся на завершающей стадии первичной формации. Сопоставляя материал по германским и индейским племенам, Энгельс обнаружил интересные общественно-стадиальные аналогии в формах семейно-брачных отношений, имущественном положении старейшин и рядовой массы, формах собственности и т. д.

Энгельс обратил пристальное внимание на «степень распада старых кровных связей» у глинянтов. Следует отметить, что эти связи и при традиционном типе рыболовецко-охотничьего хозяйства распадались, конечно, не сами по себе, а под давлением экономических факторов — разделения труда, роста имущественного неравенства, обмена, возникно-

⁵³ К. Маркс и Ф. Энгельс, т. 35, стр. 103.

⁵⁴ Н. И. Лапин, Рецензия на книгу «Маркс-историк. Сборник статей», М., 1968, — «Вопросы философии», 1969, № 6, стр. 156.

вения рабства и кабальных отношений. Историков несколько смущает уже приводившееся выражение «на данной ступени способ производства играет не столь решающую роль...» Однако следует помнить, что Энгельс в этом частном случае подразумевает под способом производства не экономические отношения людей к орудиям и средствам производства и не отношения, которые складываются в процессе разделения труда и обмена продуктов, а только специфические разновидности производства — земледельческого у древних германцев, рыболовецко-охотничьего у тлинкитов⁵⁵. Случалось, что и Маркс употреблял понятие «способ производства» в узком смысле технико-организационных основ производства, в смысле собственно трудовых отношений, существующих между людьми в их непосредственной производительной деятельности⁵⁶.

Ф. Энгельс сопоставлял древних германцев и североамериканских индейцев, столь сильно различавшихся между собой по основному хозяйственному занятию, только потому, что было совершенно ясно, что обе эти группы находились на одной завершающей ступени первичной экономической формации.

Итак, нет никаких научных оснований превращать кровнородственные связи в самодовлеющую сущность (имманентную категорию) исторического движения доклассового общества. И какими бы естественными, изначально данными эти связи ни представлялись, в социально-исторической действительности они опосредствованы отношениями по добыванию материальных благ. Материально-общественным основанием взаимоотношений людей архаической формации были те «условия, при которых они обмениваются деятельностью и участвуют в совокупном производстве»⁵⁷. Раскрыть эту сложную динамическую систему отношений — задача современных историков и социологов.

ON CERTAIN ASPECTS IN THE INTERPRETATION OF THE PRIMEVAL SOCIO-ECONOMIC SYSTEM

A critical analysis is given in the article of certain modern viewpoints on the first social-economic system in the history of mankind, most completely embodied in the gens-community social structure. The author notes the achievements of Soviet specialists in the history of primitive society who enriched their branch of learning by new methods of research and new concepts based on the philosophical system of Marxism; at the same time he points to individual cases where some ideas of Marx and Engels on the specific regularities of the evolution of pre-class society have been incompletely or inaccurately interpreted. The interpretation of personality forms of material communication and social linkage receive particular attention. These are most successfully understood through the prism of primitive production and the direct reproduction of life. Two mutually interlinked spheres interact here: the production of means of livelihood and the reproduction of man himself, the perpetuation of the species. The author opposes attempts to isolate these two main spheres of a single social-economic system from one another and to set off to a certain extent the «anthropological» reproduction of primitive man himself against his creative activity in the material sphere.

⁵⁵ Заметим, что к такому же, примерно, выводу пришел Я. А. Ленцман, обративший внимание, что употребленный Энгельсом в упомянутом письме немецкий термин *Produktionsweise* по своему смыслу не вполне соответствует принятому у нас развернутому пониманию способа производства как совокупности производительных сил и производственных отношений. *Produktionsweise* скорее обозначает здесь «то, как производить» или «образ производства». Ссылаясь на письмо Энгельса от 8 декабря 1882 г., Я. А. Ленцман заключает: «В приведенной цитате, „способ производства“ встречается дважды; оба раза он означает обстоятельства производства, а вовсе не совокупность производительных сил и производственных отношений». (Выступление на симпозиуме по азиатскому способу производства, «Вестник древней истории», 1965, № 3, стр. 81.)

⁵⁶ Например, только в таком смысле, на наш взгляд, употреблен этот термин в следующей фразе К. Маркса: «...для особого рода условий производства (например, скотоводства, земледелия) развивается особый способ производства и развиваются особые производительные силы как субъективные, проявляющиеся как свойства индивидов, так и объективные» («Формы, предшествующие...», стр. 24).

⁵⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 6, стр. 441.